

ИОЛАНДА

I

В один из прекрасных июльских вечеров 1315 года Гюи Бертран, славный церо-пластик, недавно приехавший в Тулузу, сидел задумчиво подле открытого окна в своей рабочей <комнате>. Он жил против самого портала церкви св. Доминика. Заходящее солнце освещало еще вершину башни. Гюи Бертран смотрел на эту вершину. Тень поднималась выше и выше по туреллам¹, лицо его более и более омрачалось, и казалось, что все надежды его уносились вместе с исчезающими лучами солнца на башне.

Он имел все право предаваться отчаянию: кроме тайного горя, которое отражалось во всех чертах его, искусство, доставлявшее ему пропитание, было запрещено под смертной казнью после суда над шамбеланом Франции Энгерраном Мариньи, его женою и сестрою, обвиненных в чаровании короля Людовика X.

— Вот последнее достояние! — проговорил Гюи Бертран, вынув из кармана серебряную монету и хлопнув ею по косяку окошка. — Жена придет за деньгами на расход... я отдам ей все, что имею, а она скажет: этого мало!.. Завтра голодная жена и дети будут просить милостыню, а я буду пропитаться на счет моих работодателей в тюрьме Капитула²!

И с этими словами Гюи Бертран схватил лежавший на окне резец и вонзил его глубоко в дерево.

В эту самую минуту кто-то постучался у дверей.

— Вот она! — произнес Гюи Бертран, вставая с места и отдергивая задвижку.

Но вместо жены вошел неизвестный человек в широком плаще, бледный, худощавый, высокий, с впалыми глазами.

— Гюи Бертран?

— Так точно.

Неизвестный, входя в рабочую, припер за собою дверь.

— Угодно вам принять на себя работу?

— Очень охотно приму... разумеется, скульптурную.

— Нет, работа будет относиться собственно до вашего искусства... — сказал неизвестный, вынимая из-под плаща небольшой портрет. — По этому портрету вы должны сделать восковую фигуру.

¹ башенкам (*итал.*).

² здесь: в тюрьме инквизиции.

— Восковую? Не могу! — и Гюи Бертран, осмотрев с ног до головы неизвестного, невольно содрогнулся.

— Вы, может быть, думаете, что я фискал инквизиции, ищущий вашей гибели? Нет! Впрочем, я найду другого церопластика, который будет снисходительнее...

Неизвестный взял под плащ портрет и хотел идти.

— Позвольте... Если вы мне скажете, для какого употребления заказываете...

— Вот прекрасный вопрос!

— Но... вы знаете, что можно сделать злое употребление...

— О конечно, из всего можно сделать злое употребление; однако же, покупая железо, не давать же клятвы, что оно не будет употреблено на кинжал. Впрочем, будьте покойны: это для коллекции фамильной. Угодно взять?

Гюи Бертран думал.

— Извольте отвечать скорее!

— Берусь... но... мне не дешево станет эта работа... и вам также.

— Насчет этого не беспокойтесь: вот вам в задаток... здесь в кошельке двадцать луидоров. Через неделю должно быть готово... только сходство разительное...

— Можете положиться...

Неизвестный удалился.

Гюи Бертран запер двери, спрятал портрет в шкаф, бросил кошелек на стол и сел снова подле окна в раздумье.

Вскоре вошла жена его.

— У тебя, Гюи, кто-то был? Не для заказов ли?

— Да! — ответил Бертран.

— Слава Богу!

— Да! — отвечал Бертран.

— Это что такое?

— Деньги.

— Слава Богу... — повторила жена, — двадцать луидоров!.. Это все твои?

— Да! — отвечал Бертран.

— Я возьму на расход?..

— Возьми.

— Ты, верно, обдумываешь заказанную работу?.. Я не буду тебе мешать.

Она вышла, а Гюи Бертран просидел до полуночи перед окном.

II

На другой день рано утром Гюи Бертран вошел в свою рабочую, вынул портрет, поставил его на станок и, заложив руки назад, стал ходить из угла в угол.

— Какое очаровательное существо! — сказал он, смотря на портрет. — Так же хороша была и дочь моя! Где ты теперь, неблагодарная Вероника!

У него хлынули из глаз слезы. Он закрыл лицо руками и отошел от портрета, сел подле окна в безмолвии...

Когда в нем утихло горькое воспоминание, он подошел снова к портрету.

— Чувствую, что не на добро заказано это!.. — повторял он, говоря сам с собою и посматривая на портрет. — Бедная девушка! Может быть, и тебя преследует соблазн или мщенье? Если я буду средством к твоему истязанию? Этот человек в оборванном плаще так похож на чернокнижника!.. Нет сил приниматься за работу...

Долго ходил Гюи Бертран по рабочей, то посматривал на портрет, то на распятие, которое стояло на столе в углу комнаты.

— Нужда! — вскричал он наконец и, заперев двери, принялся за работу.

Через неделю, поздно вечером, незнакомец явился; восковая фигура была уже готова и уложена в ящик.

— Вы ручаетесь за сходство?

— Ручаюсь.

Вот еще тридцать луидоров: помогите вынести. Гюи Бертран с трепетом помогал выносить ящик на улицу, где стояла уже готовая фура.

— Прощайте, — сказал неизвестный; и фура и он исчезли в темноте.

III

Солнце склонилось уже на запад, и тени как будто украдкой приподнялись из земли, из-под гор, холмов и зданий, построенных на кладбищах давних поколений, и потянулись к западу. Медленно сливались они друг с другом и застилали мрачной одеждой своей вечерний свет на красотах природы. Вдоль Пиренеев, по обе стороны *пролома Роландова*, казалось, что гиганты стали на стражу вокруг своих старшин с белоснежными главами, озаряемых последними лучами утопающего света в океане.

В это время в комнате со сводами и окном с узорчатой решеткой, сквозь которое перед потемневшим небом видны были за шумным порогом Гаронны влево Тулузский замок под горою, а вправо — пространные дуга, предметы потухли, все тут было черно и казалось пусто, безмолвно.

В углу только светилось еще распятие над Адамовой головой, но против него, в боку комнаты, мрак, казалось, шевелился. С трудом можно было рассмотреть, что подле ниши, задернутой черной занавеской, сидела женщина.

— Теперь... ты готова, Санция! — раздался ее голос. — Недостает только Раймонда, чтобы полюбоваться в последний раз на красоту твою!.. Но кто знает!.. Может быть... он... О! если б он обнимал тебя в эту минуту!.. нежил, клялся в любви, осыпал поцелуями... и вдруг невидимая рука...

В руке женщины что-то блеснуло...

Кто-то постучался в двери.

Женщина вздрогнула, на второй стук она подошла к дверям и отперла. Вошел монах.

— Мир ищущим утешения в завете Христа! — произнес он.

— Отец! — сказала женщина. — Я призвала тебя прочесть отходную над умирающей.

— Кто она такая?

— Моя ближняя...

— Как ее имя?

— Санция.

Монах подошел к ложу с молитвой; женщина припала подле на колени.

Монах стал произносить исповедь.

— Отец, она не может отвечать, но я за нее порука... Она безгрешна!..

Монах читал отпущение грехов и отходную и потом прикоснулся распятием к челу лежащей на постеле, накрытой белым покрывалом.

Женщина встала, положила деньги в руку монаху, и он тихо вышел.

Женщина заперла за ним двери, подошла снова к ложу.

Потухавшая лампада перед распятием ожила и мгновенно бросила томный свет на бледное, но прекрасное лицо женщины; она была в черной одежде. Взглянув с содроганием на отпускаемую с миром в мир горний, она откинула назад свое покрывало и бросилась в кресла подле ложа.

— Теперь ты готова, Санция!.. возлюбленная моего Раймонда! — сказала она дрожащим, но твердым голосом. — Выслушай же Иоланду... Она хочет оправдать сердце свое... Ты можешь играть любовью Раймонда... ты дитя... ты дочь высокородного капитула... А я, я не могла играть его любовью... Для меня любовь его была священна!.. Я дочь бедняка, но я боролась с будущим своим несчастьем еще в то время, когда на этом несчастьи была маска земного блаженства... Я говорила Раймонду Толозскому, когда он обольщал чувства мои: «Оставь меня у отца и матери! не увози в Тулузу, где есть Санция, которую будут венчать в образе Изауры Толозской... Вот невеста тебе... Ей предайся... Представительница Изауры бросит на тебя взор любви с золотого престола!..» — «Нет! — сказал мне Раймонд. — Санция — восковая фигура, я тебя люблю, Иоланда!..» Он заглушал слова мои клятвами, пресмыкался змеей... целовал колени мои... а я верила, пригрела его на груди!.. Но и в минуту безумия собственного я еще говорила: «Оставь, не срывай бедную фиалку, возвратись к розе!..» А он оковал меня!.. Я говорю правду... Верь мне, дочь высокородного капитула!.. Вот свидетель мой!.. Видишь, Санция? Я хочу воротить Раймонда не к сердцу своему, а к собственной его крови!.. Хочу разлучить его с тобою; но кто может разлучить два сердца, кроме смерти!.. Да, только смерть... Смерть тебе, Санция!..

И с этими словами она бросилась к ложу. Три раза, посреди окружавшего ложе мрака, блеснули струи молнии.

Она остановилась, зашаталась на месте и с диким криком упала без памяти подле ложа. Из рук ее выпал кинжал и зазвенел.

IV

В зале аббатства св. Доминика, за длинным столом, накрытым сукном, сидел главный инквизитор, сидели и члены инквизиции толоской. Окна были задернуты зелеными занавесами, от которых все лица казались помертвевшими. В простенке задней стены, между впадинами, возвышалось до самого свода распятие.

Стол судилища стоял на некотором возвышении. Дьяк судилища сидел в конце стола, на табурете, с непокрытой головой; члены же и инквизитор сидели в креслах, на спинках которых было красное изображение креста.

Все они были в черных с белыми полосками мантиях, застегнутых спереди и покрывавших только грудь, в шапках четвероугольных, расходящихся кверху.

После тихих совещаний главный инквизитор стукнул молотком по столу.

Вошел сбирро³ в красной мантии и в красной высокой шапке, с булавой в руках.

Вслед за ним вошли несколько стражей в подобной же одежде, но с секирами в руках; они выстроились по обе стороны двери.

За ними ввели под руки женщину в черной одежде; лицо ее было завешено покрывалом.

Ее подвели к самому столу и посадили на табурет.

Инквизитор подал знак, стражи вышли.

— Сбрось покрывало! — сказал ей инквизитор.

Женщина откинула покрывало.

— Кто ты такая?

— Иоланда! — ответила она тихим голосом.

— Откуда родом?

Женщина молчала.

— Зачем ты здесь?

— Я призвана инквизицией.

— Что имеешь ты сказать?

— Ничего.

— Читайте показание.

Дьяк читал:

«Показание хозяина Иегана Реми.

Иоланда, не объявляющая ни места своего рождения, ни роду, ни племени, по показанию жителя Толосы Иегана Реми, ремеслом мельника, проживает у него реченного в доме более года в тишине и неизвестности, платя исправно за постой; посещал ее реченную Иоланду по вечерам неизвестный молодой мужчина и неизвестные люди, приносившие ей съестные припасы, а с недавнего времени посещал ее и другой неизвестный человек подозрительной наружности. Третьего же сентября 1315 года, в ночь, услышав вопли в ее половине, реченный Иеган Реми пошел к ней, но двери были заперты изнутри, почему и поторопился дать знать о сем городской страже, которая, прибыв в дом во время

³ низший служащий инквизиции (*итал.*).

ночи, разломала запертые двери и взяла с собой реченную Иоланду, после чего реченный Иеган Реми и не видел уже сию женщину».

— Кто такие люди, посещавшие тебя? — спросил снова инквизитор.

Женщина молчала.

Инквизитор подал знак.

Из другой комнаты внесли носилки, накрытые черным покрывалом.

— Это чьих рук дело? — спросил инквизитор, показывая на носилки и приказав сдернуть покрывало.

Иоланда оглянулась, вздрогнула с криком и затрепетала.

Ее поддержали.

На носилках лежала очаровательной красоты девушка, на щеках румянец не потух, уста улыбались, но глаза ее были неподвижны, окованы смертью.

— Читайте обвинение.

Дьяк читал:

«Иоланда обвиняется принадлежащей ко второму разряду преступных.

Второй разряд преступлений составляют демонские науки: черная магия, порча, колдовство, чары, заочные убийства.

Иоланда обвиняется в заочном убийстве: в нанесении трех ударов в сердце дочери высокородного капитула Бернхарда де Гвара, как то признано отцом и матерью и всеми капитулами. Реченное убийство явно подтверждается тем, что дочь реченного капитула Бернхарда де Гвара, Санция, в ту ночь из замка Гвара внезапно исчезла, что и заставляет полагать утвердительно, что демонская сила исхитила ее из объятий родительских, чтобы предать чарам Иоланды».

— Сознаешься ли ты в убийстве?

Но Иоланда не отвечала: она без чувств лежала на руках двух сбирров.

— Приговор свой услышишь ты в свое время, — продолжал инквизитор и подал знак, чтобы ее вынесли.

Иоланду положили на носилки подле Санции, накрыли покрывалом и вынесли.

V

Настал день ауто-да-фе, день торжества инквизиции, в который министры мира сжигают жертвы человеческие во славу Милосердого, во спасение людей и скупление их мукою времени от муки вечной.

Еще до света раздался в Тулузе печальный, унылый звон колоколов, повещающий народу великое зрелище.

Со всех концов города стекались любопытные.

Процессия доминиканцев выходила на площадь; несли шитое и окованное золотом знамя с изображением св. Доминика, учредителя инквизиции, с мечом и миртой в руках и с надписью «Justitia et misericordia».⁴

⁴ «Правосудие и милосердие» (лат.).

Вслед за знаменем шли рядами преступники, обреченные казни, босые, в одежде печали и отвержения; в руках каждого был факел из желтого воска, подле каждого шел нареченный отец и исповедник с крестом в руках.

Но за этими рядами преступников несли распятие, которое, склонясь над головами их, означало надежду на милосердие; только одна жертва, шедшая позади всех, была лишена этой надежды.

Эта жертва была женщина. Ее вели под руки; на ней был черный балахон, а сверх его сагата, или нарамник серого цвета, испещренный изображениями демонов и ада; на передней полости его был нарисован портрет преступницы посреди костра, обнятого пламенем. На голове ее была сагочас, остроконечная высокая шапка в виде сахарной головы, с подобными же изображениями нечистой силы.

Преступников провели во внутренность храма св. Доминика и посадили на лавки; подле каждого заняли место нареченные отцы и исповедники. Посредине алтарной стены возвышалось распятие, по обе стороны на хорах под балдахинном сидели инквизиторы, в стороне была кафедра дьяка.

По совершении молитвы дьяк стал читать обвинение и приговор каждого из преступников, после чего главный инквизитор объявил не обреченным на сожжение милосердное отпущение грехов и назначение на галеры. На сожжение обречена была только женщина.

— Как хочешь ты умереть: христианкой или отступницей? — спросил ее член судилища.

Она упорно молчала на этот вопрос, несколько раз повторенный.

Ее сдали исполнителям казни и повели на площадь.

Там был уже костер с столбом посредине.

Когда процессия исполнителей казни остановилась подле костра, проповедник произнес к обреченной казни увещание, хотел поднести к устам ее распятие, но она отклонила руку проповедника и сказала тихо:

— Я не достойна.

Ее ввели на костер. Палачи привязали ее руки к столбу. Факелом, который она несла, один из доминиканцев зажег костер; костер мгновенно весь вспыхнул.

— Раймонд!.. — простонала несчастная.

Пламень обвил ее.

Никто не знал, кто она такая.

Все смотрели на нее, как на чаровницу, без сожаления. Но вдруг купа дыму и пламени как будто раздалась мгновенно, послышался вопль младенца, стон несчастной жертвы заглушил его.

Все содрогнулись.

Но, может быть, народу, окружавшему костер, это почудилось.

VI

На другой день у входа в храм св. Доминика народ толпился и смотрел на портрет сожженной женщины: изображена была голова на пылающих головнях, с надписью:

*Чародейка Иоланда, сожженная за
заочное убийство Санции,
дщери высокородного капитула
толозского Бернхарда де Гвара.*

Гюи Бертран видел из своего окна эту толпу, любопытство повело его посмотреть на портрет преступницы.

Он подошел, взглянул и грохнулся на помост.

В это время прогремел по мостовой фиакр, перед которым бежал скороход и за которым ехали два рейтара. В нем сидели: прекрасный собою мужчина в одежде капитулов тулузских и необыкновенной красоты женщина в голубой бархатной одежде и в такой же шапочке с белыми перьями.

Заметно было, что любопытство ее было причиной остановки фиакра против портала.

Мужчина подал ей руку, и они вошли на помост храма; толпа раздалась перед ними.

— Он умер, умер, — говорили в толпе. — Гюи Бертран умер!

— Раймонд! — вскричала женщина с ужасом, прочитав надпись. — Что это значит? Мое имя!..

Но Раймонд стоял уже бледный и немой. Глаза его безумно двигались, весь он дрожал.

— Раймонд! — повторила женщина, взглянув на него. Не говоря ни слова, он увлек ее за собой к фиакру; фиакр загремел вдоль по площади, но мужчина и женщина, сидевшие в нем, были уже бледны, как мертвецы.

Примечания

Рассказ был впервые напечатан в журнале «Московский наблюдатель» (1837, ч. XII) и вошел в сборник «Повести» (1843). Сюжет произведения основан на вере в чародейство, бытовавшей в средние века. Она связана с искусством церопластики, о котором Вельтман написал специальное примечание. В нем говорилось: «Церопластика — искусство ваяния из воску (...). В средние времена в Западной Европе, вероятно в подражание древним, лики святых делались из воску, бюстами или восковой живописью. Но неизвестно, в которое время явилось *чарование* (...). Имея начало свое в язычестве, это мнимое средство порчи и убийства в XII веке было в большом употреблении во Франции. Мнение, чтобы не подвергать себя большим хлопотам и опасностям, делало восковую фигуру, совершенно похожую на врага своего или соперника, и, исполнив над ним все установленные обряды церкви, начинало его терзать, воображая, что живой человек, изображение которого мучат, чувствует эти муки даже за тридевять земель».

В журнале «Библиотека для чтения» (1843, № 10) была напечатана рецензия на сборник «Повести» (1843), в которой говорилось: «Есть еще здесь «Ольга» и «Иоланда»: последний рассказ, в котором столько чудес, столько нечаянностей, кажется, не кончен; но профиль и подробности отдаленного века обрисованы мастерскою кистью» (с. 31).

Мариньи Энгерран (Ангерран) де (1260—1315) — французский государственный деятель в период правления короля Филиппа IV Красивого (1285—1314), шамбелан (камергер). После прихода к власти Людовика X был подвергнут опале, преследованиям, приговорен без достаточных оснований к смертной казни и повешен.

Капитул — общее собрание членов какого-либо ордена.

Фиакр — наемный экипаж. *Рейтары* — солдаты наемной кавалерии в Европе. Оба понятия являются анахронизмом, допущенным автором, в XIV в. во Франции они не употреблялись.